

ПИСЬМА
Гр. А. К. ТОЛСТОГО

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Окончаніе.

Къ княгинѣ Зайнъ-Витгенштейнъ *).

L.

Пустынька (близъ ст. Любань).—20-го февр. (4-го мар.) 1867 г.

Милѣйшая княгиня, вы имѣете право обвинять меня въ неблагодарности, такъ какъ я до сихъ поръ еще не отдалъ вамъ отчета о приѣмѣ моей трагедіи, несмотря на столь благосклонный интересъ къ ней съ вашей стороны. Признаюсь, видимость—противъ меня, но есть смягчающія обстоятельства. Я самому себѣ не отдавалъ отчета въ впечатлѣніи на публику отъ моей пьесы, благодаря тому, что съ самаго начала она была жертвой разныхъ кулисныхъ тщеславій, вслѣдствіе чего главная роль выпала на долю второстепеннаго таланта, по крайней мѣрѣ, въ этомъ амплуа. Публика, газеты и сами актеры раздѣлились на два лагеря, и послѣдовала жестокая война. Такъ, много кричали, что Васильевъ, который игралъ Іоанна, добровольно отказался отъ своей роли въ пользу Самойлова, который былъ встрѣченъ криками восторга и осыпанъ

*) Эти письма доставлены для напечатанія кардиналомъ Гоэнлоэ, черезъ графа Г. С. Строганова, и всѣ писаны по-французски.

дождемъ цвѣтовъ и лавровыхъ вѣнковъ при своемъ появленіи. Съ 12-го (24-го) января пьеса дается два раза въ недѣлю, и зала всегда переполнена. Неслыханная до сихъ поръ вещь—дирекція открыла подписку и записываются 10 и 15 дней заранѣе, чтобъ получить ложу; нѣсколько человѣкъ приѣхали изъ Москвы и не могли достать мѣстъ. Не вините меня въ лицемѣрїи, но я въ большой мѣрѣ приписываю этотъ успѣхъ точности и красотѣ декораций и костюмовъ; мнѣ въ этомъ отношеніи очень посчастливилось: во-первыхъ, было отпущено 31.000 р. на постановку трагедїи; затѣмъ, князь Гагаринъ, вице-президентъ академіи художествъ, сдѣлалъ рисунки главныхъ декораций; академикъ Шварцъ—костюмовъ, и Сѣровъ написалъ музыку на танецъ скомороховъ. Къ тому же, г-нъ Костомаровъ, профессоръ исторїи, и другія лица, которыя спеціально занимались археологіей, принимали участие въ усовершенствованіи постановки пьесы и отнеслись къ этому съ такимъ рвеніемъ, что тронули меня, тѣмъ болѣе, что я никогда не обратился бы къ нимъ изъ скромности. Что касается г-на Сѣрова, то я даже его еще не зналъ, когда онъ написалъ свою музыку, полную красокъ и оригинальности. Я его попрошу мнѣ дать копію, которую я пошлю нашему милому Листу. Сѣровъ намѣревается написать такъ же остальные антракты. Что касается меня, то я видѣлъ пьесу всего три раза,—два раза съ Васильевымъ и одинъ разъ съ Самойловымъ. Я даже не досталъ бы билета послѣдній разъ, еслибы министръ двора не далъ мнѣ свое кресло. Самойловъ великолѣпенъ, какъ наружность и манеры, но онъ не зналъ своей роли, когда я его видѣлъ,—и это испортило нѣкоторыя мѣста. Самый большой успѣхъ всегда—смѣлость: сцена посла, народная сцена (къ великому ужасу полиціймейстера) и сцена исповѣди царя съ колѣнопреклоненіемъ. Мои защитники противъ полиціймейстера и той части публики, которая plus royaliste que le roi, это—Государь и Государыня. Два раза они приѣзжали смотрѣть пьесу и два раза мнѣ аплодировали и призывали въ свою ложу. Одинъ французъ, который перевелъ пьесу, приходилъ мнѣ ее читать вчера и говорилъ мнѣ, что узналъ изъ нѣмецкой газеты, что ее давали въ Веймарѣ; это мнѣ кажется мало правдоподобнымъ, такъ какъ мы получили недавно письмо изъ Веймара отъ баронессы М., въ которомъ она намъ пишетъ, что великій герцогъ *намѣревается* поставить эту трагедїю. Я буду очень радъ, если ее поставятъ, но жалѣю, что не послалъ г-жѣ Павловой копіи костюмовъ.—Теперь довольно объ „Іоаннѣ“, милая княгиня; я долженъ вамъ сказать нѣсколько словъ о его сынѣ. Я написалъ нѣсколько новыхъ сценъ, дѣлаю и пере-

дѣлываю прежнія, — все чтобъ приблизиться больше къ моему первоначальному плану, отъ котораго я чувствую, что всегда отдаляюсь, благодаря большому числу мотивовъ въ этой драмѣ. Я не стараюсь ее упростить, и это не такъ легко, какъ кажется; я не боюсь, чтобы мнѣ не достало красокъ, но линия даетъ мнѣ много хлопотъ. Вы, можетъ быть, помните, что если я себя представляю Иоанна какъ гору, которая подавляетъ страну, то сынъ его Федоръ представляется мнѣ какъ какой-то оврагъ, въ который все проваливается. Вотъ тѣма; теперь дѣло въ томъ, чтобъ сдѣлать ее понятной. Дѣятельное и страдательное начала — въ ихъ крайнихъ предѣлахъ. Я забылъ вамъ сказать, что въ сценѣ Бориса съ его женой онъ ее цѣлуетъ, по вашему отлучному совѣту. Этотъ поцѣлуй дается два раза въ недѣлю госпожѣ Струйской господиномъ Нильскимъ, который отлично это исполняетъ и вамъ безконечно благодаренъ. Я ошибся: онъ цѣлуетъ не г-жу Струйскую, а г-жу Жулеву; что касается г-жи Струйской, она играетъ царицу, и ея мужъ ее не цѣлуетъ.

Мы получили письмо отъ Бобринскаго, со вложеніемъ маленькаго письма отъ васъ къ графинѣ С., — я полагаю, — въ которомъ вы говорите обо мнѣ съ вашею обычною добротой. Моя жена все больна; она вамъ напишетъ длинное письмо, покажетъ же она просить прощенія за свое долгое молчаніе. Я думаю, что она можетъ жить только въ Римѣ, но къ несчастью *un nome, un fato, di noi piu forte* ¹⁾, противится этому. *All'idea di quel metallo, mi manca la voce, mi sento morir* ²⁾. *Vieni a Roma, o, cara, vieni!* — говорю я ей, а она мнѣ отвѣчаетъ: *Il cor mi li divide*. Тогда мы повторяемъ вмѣстѣ: *Cari luoghi, io vi ravviso*. — Милая княгиня, я печатаю въ эту минуту всѣ мои стихотворенія, и какъ только они появятся въ печати, я буду искать случая вамъ ихъ переслать; я говорю — случая, потому что вы знаете, въ какія заблужденія впадаетъ наша почта. Я такъ же намѣреваюсь вамъ поднести новое изданіе „Иоанна“, съ проектомъ постановки. Скажите, пожалуйста, нашему милому и доброму Листу, съ какой дружбой, съ какимъ уваженіемъ мы думаемъ о немъ. Скажите ему, что я его цѣлую отъ всего сердца, и что я его часто вижу во снѣ.

Прощайте и до свиданія, милая княгиня, да хранить васъ Богъ; сохраните добрую память вашему дружески-преданному — А. Т.

¹⁾ Нѣкое божество, нѣкій рокъ, болѣе сильный, чѣмъ мы.

²⁾ При мысли объ этомъ *металлѣ* у меня захватываетъ голосъ, я чувствую, что умираю.

II.

9-го мая 1869.

Дорогая и прекрасная княгиня, вы имѣете полное право считать меня за невѣжду или хуже этого, — за неблагодарнаго: я теперь лишь отвѣчаю на ваше декабрьское письмо, — а въ сущности, я только славянинъ. Вы составляете исключеніе въ этомъ племени, но вы его понимаете, также какъ и все остальное понимаете. Я не извиняюсь, мнѣ было бы это невозможно, я констатирую фактъ: я — славянинъ, и вотъ какъ я оказался онымъ по отношенію къ вамъ: ваше письмо дошло до меня въ ту минуту, когда я садился въ карету съ женой, чтобы ѣхать въ Одессу; ну хорошо, я себѣ сказалъ, изъ Одессы напишу княгинѣ! Когда я пріѣхалъ туда на короткое время, тысячу вещей захватили меня, и я себѣ сказалъ: напишу вернувшись. Между тѣмъ наше пребываніе въ Одессѣ продлилось, а по пріѣздѣ сюда, другія тысяча вещей стали меня дергать во всѣ стороны, такъ что вотъ я и оказался почти-что грубымъ по отношенію къ той, къ которой я чувствую столько же благодарности, сколько уваженія и преклоненія. Это не фразы, дорогая княгиня, я передъ вами очень искренно преклоняюсь за многое, а въ эту минуту, главное, за чрезвычайную тонкость и чрезвычайную проницательность вашего ума, который вполне философскій, христіанскій и глубоко эстетическій . . . . .

Какъ вы сдумѣли — вы, которая имѣете такъ рѣдко случай читать или слушать русскій языкъ — понять столь хорошо, столь тонко и въ такихъ подробностяхъ всѣ намѣренія моей трагедіи.. Принимая въ соображеніе все, чтò вы, вашей добротой, можете быть, прибавили къ моимъ качествамъ, я все-таки нахожу *большую* награду для автора, когда его такъ понимаютъ и догадываются во всемъ, чтò онъ хотѣлъ сказать, во всемъ до малѣйшихъ отгѣнковъ! Языкъ этой драмы — архаическій, вы не могли понять всѣхъ выраженій; есть и русскіе, которые ихъ не поймутъ. Какое у васъ должно быть *чутье*, какимъ чувствомъ художества вы должны обладать, чтобы такъ умѣть прочесть между строками самыя сокровенныя складки моей души? Вы — самый большой критикъ нашего времени; не оттого, что вы меня хвалите (далеко отъ меня это фатовство), но оттого, что вашъ анализъ не уступаетъ вашему синтезу; и вы, какъ сибилла, которая едва увидитъ человѣка, и уже можетъ ему рассказать его про-

шедшее и можетъ повергнуть его въ смущеніе—тѣмъ свѣтомъ, которымъ она озарить все его существо.

Какъ я счастливъ, что вы придаете *архитектуру* драмы такую же цѣну, какъ и я! Да, княгиня, я преклоняюсь передъ колоритомъ, я его ищу, я его уважаю, но колоритъ *безъ линіи* не можетъ быть допущенъ: *линія*—главное дѣло во всѣхъ искусствахъ.

Вотъ отчего я всегда готовъ уничтожить сцены, даже когда онѣ удачны, если онѣ мѣшаютъ общей архитектурѣ.

Какъ бы ни былъ увлекателенъ и удаченъ эпизодъ, я его уничтожаю, безъ всякаго милосердія, когда я нахожу, что онъ бесполезенъ. Если у меня есть достоинство, то это то, что я могу уничтожить цѣлыя дѣйствія, очень одобренныя при чтеніи, — уничтожить ихъ, несмотря на мнѣнія друзей, если въ душѣ и по совѣсти я чувствую, что они разстраиваютъ то единство, къ которому я шелъ. И какъ я счастливъ, что вы выражаете ту же вѣру! Въ драматическомъ искусствѣ, болѣе чѣмъ въ другомъ, главная цѣль, къ которой надо стремиться—не говорить ничего лишняго, но и не пропускать ничего необходимаго. Я не знаю, достигъ ли я этого, но я знаю, что я ничего не жалѣлъ для этой цѣли, и если всякая изъ моихъ трагедій содержитъ отъ 2.500 до 3.000 стиховъ, то, конечно, я уничтожилъ вдвое противъ этого во всякой изъ нихъ.

Мнѣ кажется, что главная заслуга художника, въ какомъ бы то ни было искусствѣ, состоитъ не въ томъ, чтобы создавать, а въ томъ, чтобы зачеркивать. Когда человекъ не лишенъ хоть какого-нибудь таланта,—невозможно, если онъ будетъ *много* работать, чтобы онъ не сдѣлалъ хоть что-нибудь хорошее.

И вотъ тутъ-то нужно умѣть понимать, что сдѣлалъ хорошаго, и быть неумолимымъ для остального, уничтожать, зачеркивать все, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаешь что-нибудь подходящее къ тому, что по душѣ и совѣсти считаешь хорошимъ.

Только этимъ способомъ можно до созданія чего-нибудь цѣльнаго,—не совершеннаго, можетъ быть, но соотвѣтствующаго тѣмъ силамъ, которыми обладаешь. Мнѣ кажется, что вообще причина упадка нашей современной литературы,—я говорю о литературѣ всѣхъ странъ,—это слишкомъ большая слабость, слишкомъ большое снисхожденіе, которое питаютъ къ самимъ себѣ.

Благодарю васъ, что вы признали во мнѣ отсутствіе этого снисхожденія!

Fiat justitia, pereat mundus!—вотъ мой девизъ въ мѣръ искусства.

При всемъ томъ, „Федоръ“ не появится на сценѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ нашель его *опаснымъ*.

Вы скажете, что это черезчуръ боязливо. Я съ вами согласенъ; но что бы ни было, я продолжаю писать моего „Бориса“, какъ будто онъ долженъ быть на сценѣ. Я написалъ еще только два акта, но моя жена ихъ одобряетъ, и я желалъ бы быть увѣренъ и въ вашемъ одобреніи.

Кромѣ этого, я написалъ еще четыре большія баллады изъ норманско-русской эпохи; я перевелъ двѣ баллады Гёте: „Коринеская Невѣста“ и „Богъ и Баядерка“. Первую многіе изъ нашихъ поэтовъ начинали переводить, но никто не окончилъ. Говорятъ, что мой переводъ удаченъ. Потомъ я еще написалъ нѣсколько маленькихъ стихотвореній. Къ несчастію, я славянинъ, и пишу, какъ пьяницы пьютъ *запоємъ*,—можетъ быть, вы знаете, что это значить. Я хочу сказать, я пишу только временами, но уже тогда всею душой. Такъ какъ вы очень добры ко мнѣ и такъ артистичны, то, можетъ быть, я найду силъ, чтобы побороть мою лѣнь, и перепишу эти баллады, чтобы вамъ послать. Я не боюсь, что вы ихъ не поймете,—*вы, которая все понимаете*. То, что *архаично* въ выраженіяхъ, вы поймете вашею столь большою способностью *интуиции*; я не могу достаточно вамъ повторять, насколько я пораженъ вашею способностью все понимать. Всѣ журналы напали на меня съ кулаками за „Царя Ѳедора“. Они увѣряютъ, что такое слабое существо, какъ онъ, годится только для водевиля, и т. д.. Но я вполнѣ награжденъ *вашимъ* сужденіемъ.

...Благодарю васъ тоже за ваше милое объясненіе нашего *непріязда* въ Римъ. Къ несчастію, я долженъ отвергнуть это объясненіе. Я не останусь въ Россіи—для того, чтобы поближе видѣть Россію. Страшно сказать,—но не только *любишь* больше свою страну издали, но *и видишь ее* лучше, и лучше *понимаетъ*.

Вспомните, что нашъ наибольшій геній, Гоголь, тотъ, который полною справедливостью можетъ называться *всемирнымъ гениемъ*, написалъ свои „Мертвыя Души“ именно въ Римѣ.

Римъ никому не чуждъ, всякій находитъ въ немъ свою родину, съ какого бы края свѣта онъ ни пришелъ... Вамъ, которая все понимаете, я могу сказать, что я не беру здѣсь Римъ въ смыслъ религіозномъ, но въ смыслъ универсальномъ, что можетъ быть то же самое, но понято иначе, чѣмъ понимаетъ его католической догматизмъ. Римъ—*роковое* мѣсто; я бы желалъ умереть въ Римѣ, не переставая при этомъ считать себя русскимъ; въ сущности я не знаю, обвините ли вы меня въ чувствѣ, которое я имѣю, а именно: я не принадлежу ни къ какой странѣ и

вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежу всѣмъ странамъ за-разъ. Моя плоть — русская, славянская, но душа моя — только человѣческая.

Кто-то сказалъ, что любовь къ родинѣ есть „благородная болѣзнь“, и я очень склоняюсь въ пользу этого мнѣнія. Можно сказать про Римъ, что онъ — синтезисъ всѣхъ странъ, такъ какъ всякій себя считаетъ въ немъ дома. И это вовсе не оттого, что мы хотимъ *остаться у себя*, а потому не ѣдемъ въ Римъ; но просто оттого, что кризисъ финансовый подѣйствовалъ на всѣ русскія состоянія, а главнымъ образомъ онъ чувствуется въ Малороссіи. Но если „что-нибудь подвернется“ (if something will tum up), — какъ говоритъ одинъ изъ героевъ Диккенса, — конечно, мы пріѣдемъ въ Римъ, какъ *домой къ себѣ*, предполагая, что вы и нашъ милый аббатъ Листъ будете тамъ, также какъ и нашъ добрый Грегоровіусъ, который, мнѣ, кажется, васъ избѣгаетъ, потому что не понимаетъ васъ.

Вы видѣли madame Arnetmann. Это одна изъ женщинъ, которыхъ я больше всего уважаю. Она у васъ была, — у васъ, римско-католички, а она — протестантка въ полномъ смыслѣ слова; это доказываетъ, что вы обѣ прежде всего христіанки, и ея чувство уваженія къ вамъ, о которомъ она мнѣ часто говорила, дѣлаетъ честь вамъ обѣимъ и радуеть мое сердце.

Какая прекрасная женщина и какая христіанка m-me Arnetmann! Она и ея покойный мужъ, и ея сынъ, перенесли много притѣсненій въ Тиролю, которыя вы, *какъ христіанка*, не можете одобрить.

Хотите, я вамъ сдѣлаю мою исповѣдь? Я очень желаю, чтобы папа не пересталъ быть главой Рима. Я питаю къ Пію IX чувство искренняго уваженія, какъ къ человѣку крѣпко убѣжденному, но я думаю, что не бываетъ крѣпкаго убѣжденія безъ нѣкоторой доли *односторонности*. Я не хочу, чтобы Римъ сдѣлался столицей Италіи: Римъ долженъ быть столицей міра, такъ или иначе. Я не хочу, чтобы вы думали, что я римско-католикъ, — совсѣмъ нѣтъ, также какъ я не греко-католикъ, то-есть не византиецъ. Но я не хочу, чтобы король Викторъ-Эммануиль сдѣлалъ изъ Рима фальшивый Парижъ, съ бульварами, съ троттуарами изъ асфальта, и чтобы онъ разрушалъ стѣны Рима, какъ онъ позволилъ это сдѣлать во Флоренціи.

Моя жена очень благодарить васъ за вашу милую память. Она еще болѣе принадлежитъ къ славянамъ, чѣмъ я. Нѣсколько разъ она бралась за перо, чтобы вамъ писать, и роняла его... Ея племянница, г-жа X., очень тронута вашей любезностью къ ней, и поручила мнѣ васъ благодарить за ваши милыя поздравленія.

Она у насъ въ эту минуту, и ея мужъ въ скоромъ времени вернется тоже къ намъ изъ Петербурга.

Нашъ край—не Римъ, но очень красивъ.

Вообразите себѣ лѣса, перерѣзанные полями на безконечномъ пространствѣ. Мы цѣлыми днями можемъ ѣздить верхомъ, не выѣзжая изъ лѣсовъ. И весь край переполненъ соловьями, кукушками и маленькими лягушками, которыя поютъ почти-что какъ птицы. У насъ еще нѣтъ разбойниковъ, но заведутся. Хотя они, вѣроятно, ограничатся тѣмъ, что будутъ насъ грабить, но не увозить въ горы, такъ какъ горъ у насъ нѣтъ. Менѣе живописно—но болѣе безопасно. Я вамъ признаюсь, что я никогда не имѣлъ ничего противъ нападенія разбойниковъ, но интересъ мой ослабѣваетъ въ виду перспективы отрѣзыванія ушей и носовъ. Оно анти-эстетично, и вотъ отчего я не хотѣлъ бы, чтобы на насъ нападали разбойники въ окрестностяхъ Рима.

Милая княгиня, я замѣчаю, что я очень болтливъ.

Это тоже признакъ славянства. Оно входитъ въ систему пьяницъ, которыя пьютъ одну воду въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, чтобы потомъ сразу предаться алкоолю... Я поддался національной слабости, разговаривая съ вами. Простите меня. Я сказалъ—и утверждаю, что вы христіанка прежде всего. Въ виду этого качества, докажите ваше милосердіе по отношенію тѣхъ, которые виноваты передъ вами. Напишите мнѣ...

Да сохранить васъ Господь, дорогая княгиня!

Скажите нашему милому, нашему многолюбимому аббату Листу, что мы продолжаемъ его любить, какъ мы всегда его любили...

ЛІІ.

Кіевъ.—17 (29) октября 1869.

Я пріѣхалъ сюда сегодня утромъ и уѣзжаю раннимъ утромъ съ пароходомъ въ Кременчугъ, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Одессу, а оттуда въ Крымъ, въ Ливадію, чтобы читать Императрицѣ моего „Царя Бориса“, котораго я только-что окончилъ, кромѣ двухъ сценъ,—я долженъ передѣлать ихъ. Надо ли вамъ говорить, что ваша мысль была всегда со мной, пока я работалъ, и что, очутившись въ Кіевѣ, я напелъ вполнѣ натуральнымъ вамъ написать, потому что я знаю, какъ вы любите этотъ городъ? Мнѣ нельзя будетъ послать мое письмо отсюда,—ужь больше полуночи; я вамъ пошлю его изъ Одессы. Вы будете довольны моимъ „Борисомъ“, я *увѣренъ*, потому

что я въ него вложилъ ту же добросовѣстность, какъ и въ мои первыя двѣ трагедіи, а сверхъ того у меня теперь—опытность. Вы будете довольны развитіемъ характера Бориса, но одобрите ли вы или будете порицать то, что лже-Дмитрій у меня не является? Бой, въ которомъ погибаетъ мой герой, это—бой съ призракомъ его преступленія, воплощеннымъ въ таинственное существо, которое ему грозитъ издалека, и разрушаетъ все зданіе его жизни. Я думаю, что я достигъ этимъ бѣльшаго единства, и вся моя драма, которая начинается вѣнчаніемъ Бориса на царство, не что иное, какъ гигантское паденіе, оканчивающееся смертью Бориса, происшедшей не отъ отравы, а отъ упадка силъ виновнаго, который понимаетъ, что его преступленіе было *ошибкой*. Я вамъ писалъ и теперь вамъ повторяю, что если я обреченъ на то, чтобъ никогда не имѣть ни одного слушателя и ни одного зрителя, или еслибъ я сдѣлался посмѣшищемъ публики, какъ я теперь служу посмѣшищемъ критики,—я все-таки продолжалъ бы писать для двухъ людей, для васъ и для моей жены,—потому что ни отъ той, ни отъ другой, не ускользаетъ ни одно изъ моихъ намѣреній; я больше преклоняюсь передъ вами, чѣмъ передъ ней, потому что я не съ вами, чтобъ вамъ говорить, чего я хотѣлъ, когда писалъ, и все-таки вы отгадываете вашимъ чутьемъ, которому я не знаю равнаго.

Я думалъ ѣхать въ Вѣну этимъ лѣтомъ, чтобъ повидать княгиню Гоэнлоэ, но такъ какъ она была въ Ишлѣ, то я ей послалъ нѣмецкій переводъ „Смерти Іоанна“, основываясь на вашемъ разрѣшеніи. Она мнѣ отвѣчала прелестнымъ письмомъ, и въ почеркѣ дочери, мнѣ казалось, я узнаю почеркъ матери. „Царь Ѳеодоръ“ великолѣпно переведенъ на нѣмецкій языкъ г-жей Павловой, и вы первая получите переводъ, какъ только онъ будетъ напечатанъ. Его читали въ Вартбургѣ, и великій герцогъ намѣревается поставить его въ Веймарѣ. Засимъ, милая княгиня, да хранитъ васъ Богъ,—до Одессы.

ЛІІІ.

Венеція.—25 марта 1872.

Какъ васъ благодарить за вашъ знакъ памяти, который дошелъ до меня черезъ г-жу М., и который я такъ мало заслужилъ моимъ долгимъ молчаніемъ! Что же касается вашего письма насчетъ „Бориса“, я вамъ отвѣчалъ длиннымъ письмомъ, какъ только получилъ ваше, и я въ отчаяніи (хотя не удивленъ), что вы его не получили.

Это случается слишкомъ часто. Чтò меня особенно огорчаетъ, это то, что вы говорите: „можетъ быть, я недостаточно поняла?“... Еслибы вы получили мое письмо, вы бы увидѣли, насколько я *была счастлива*, что вы меня такъ хорошо поняли. Только вы, какъ всегда, — вы прежде всего замѣтили все, чтò есть хорошаго въ „Борисѣ“, и немного закрыли глаза на его недостатки, изъ которыхъ главнѣйшій — *отсутствіе единства*. Вы хорошо сказали, что эта драма — пьедесталь, воздвигнутый мною для „Бориса“, но вы не захотѣли замѣтить, что подробности этого пьедестала затмѣваютъ статую, и что отъ этого главное лицо, т.-е. Борисъ, остается почти бездѣятеленъ.

Его историческая бездѣятельность не есть извиненіе для поэта, и если есть смягчающія обстоятельства для него, это лишь въ томъ, что его драма, въ сущности, не есть драма, а только катастрофа трилогіи, и имѣетъ лишь это одно достоинство, если такое у нея есть.

Я не хочу унижаться паче гордости, и сознаю, что есть хорошія сцены въ „Борисѣ“, и что эти сцены могутъ быть эффектны въ театрѣ; но онѣ безпорядочны и держатся между собой только тѣмъ, что всѣ относятся нѣкоторымъ образомъ къ главному лицу. Г-жа Павлова отнеслась болѣе строго къ „Борису“, чѣмъ вы, и не хотѣла его переводить. Но зато я очень былъ удивленъ и пріятно пораженъ, получивъ здѣсь нѣсколько отрывковъ перевода князя Эмиля Витгенштейна, который уже дошелъ въ своемъ переводѣ до 4-го акта. Его переводъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ ошибокъ по отношенію техническихъ выраженій, и красивъ, и поэтиченъ.

...Я думаю, что до моего возвращенія въ Россію онъ его окончитъ и издастъ, и тогда я вамъ пошлю одинъ или два экземпляра для васъ, и главное — для Листа, котораго я не сумѣю достаточно благодарить за его память; эта память мнѣ дѣлаетъ честь и всякій разъ меня трогаетъ съ одинаковой силой, т.-е. всякое дружеское заявленіе съ его стороны мнѣ такъ же дорого, какъ первое.

Вообще, очень трудно исчерпать мою благодарность — и меня не надо судить по моимъ припадкамъ молчанія.

Чтò я вамъ скажу о моихъ занятіяхъ? Я написалъ много маленькихъ стихотвореній, балладъ и другихъ; нѣсколько изъ нихъ уже переведены по-нѣмецки; но моя главная работа (Hauptwerk), которую я началъ и которая прервана головными болями и отсутствіемъ нравственнаго спокойствія, это — новгородская драма XIII-го столѣтія; она будетъ называться: „Посадникъ“.... Одно

дѣйствию окончено, другія же только набросаны, и я жду „счастливой минуты“, чтобы засѣсть за работу.

Такъ какъ сюжетъ не историческій, а взятъ лишь изъ нравовъ того времени и того города, то у меня шире поле, и я могъ сдѣлать „ein regelrechtes Stück“ съ „Steigerung“, „Höhepunkt“ и т. п.... Эта работа меня привлекаетъ; лишь бы наступилъ благоприятный часъ, я надѣюсь ее скоро докончить.

Но вы напечатали сочиненіе о буддѣйской религіи и о браминахъ, которыми вы были заняты при послѣднемъ нашемъ пребываніи въ Римѣ. Надѣюсь, что вы меня удостоите прочесть его, и что вы мнѣ его вышлете... Если ваша доброта ко мнѣ внушитъ вамъ желаніе написать мнѣ нѣсколько словъ, то благоволите адресовать ихъ въ Миланъ—до востребованія. Прежде чѣмъ закончить мое письмо, я вамъ скажу, что я очень счастливъ, и могу вамъ сказать, что я *вагнеризируюсь* все болѣе и болѣе, (конечно, музыкально), и что мой мозгъ, или мои уши, или мое сердце, отверзлись для многихъ красотъ, которыя до сихъ поръ не были мнѣ доступны; такъ что теперь итальянская музыка мнѣ кажется немного безцвѣтна, немного холодна; но зато я способенъ слушать „Лоэнгина“ или „Тангейзера“ два раза сряду, въ одинъ присѣсть, даже еслибы было возможно, то послѣ послѣдняго удара смычка готовъ начать снова слушать оперу. Я исключая „Ночную Сцену“ Лоэнгина до фразы: *Es giebt ein Glück das ohne Reu, etc...*

Эту сцену я еще не переварилъ. Въ Берлинѣ моя жена познакомилась съ m-me Schleinitz; онѣ почувствовали себя очень близкими другъ къ другу—и однихъ и тѣхъ же вѣрованій.

Да хранить васъ Богъ, а вы простите мнѣ и мое молчаніе, и мою болтовню.

LIV.

Красный-Рогъ.—26 мая (8 іюня) 1873.

Сейчасъ получилъ ваше доброе письмо отъ 26-го мая (н. ст.)...

Какъ я счастливъ, что моя баллада нравится Листу. Пробѣзжая черезъ Дрезденъ, я ее отдалъ m-me Павловой, и она въ два дня уже перевела семь строфъ—великолѣпно. Какъ только переводъ будетъ готовъ, она пошлетъ одинъ экземпляръ Листу, одинъ мнѣ, и я сейчасъ же перешлю вамъ копію.

Вы спрашиваете извѣстія о насъ. Увы, они не важны. Моя жена опять не можетъ читать, а я отъ Рима до Краснаго-Рога

страшно мучился головными болями. Хотя по переѣздѣ черезъ Альпы онѣ не посѣщали меня всякій день—приходили и уходили; но отъ Варшавы до Краснаго-Рога у меня болѣла голова, не переставая, 44 часа, чтѣ почти меня свело съума. Теперь все это перешло въ невралгію, т.-е. не голова болитъ, а глаза, зубы, плечо, спина неистово болятъ. Но для меня это лучше, и я съ этимъ помирился бы, еслибы это не отнимало у меня всякую возможность заниматься.

Вы видите, что еще и рѣчи нѣтъ о „Посадникѣ“.

Я думаю, что я начну съ того, что буду оканчивать маленькую поэму риемованными октавами; я написалъ ее этой зимой въ Флоренціи, и она не требуетъ столь серьезной работы, какъ драма. Сюжетъ немного идиллическій. Это что-то въ родѣ какой-то „*Dichtung und Wahrheit*“, воспоминаніе дѣтства, на половину правдивое, любовь мальчика къ картинѣ. *Da braucht man sich nicht anzustrengen* ¹⁾).

Наша племянница Х. здѣсь со своими двумя дѣтьми, и завтра приѣзжаетъ ея мужъ. Она мнѣ поручаетъ напомнить вамъ о себѣ; моя жена шлетъ вамъ тысячу дружескихъ привѣтовъ—и благодаритъ васъ за ваши, а я цѣлую вамъ руку и жму ее изо всѣхъ силъ... она не рискуетъ быть раздавленной въ эту минуту!

LV.

Флоренція.—7 апрѣля 1873.

Ваше доброе письмо меня не удивило, такъ какъ ничто хорошее не можетъ меня удивить съ вашей стороны, но оно меня тронуло и переполнило благодарностью...

Конечно, я вамъ пошлю другой экземпляръ „Серебрянаго“; я очень счастливъ, что вы этого желаете, но на какой языкъ хотите Капнисть, чтобы его перевели? Прошлою зимою появился въ „*Perseveranza*“ великолѣпный переводъ этого романа, сдѣланный Patuzzi, профессоромъ въ Веронѣ, съ содѣйствіемъ г. Заллера. По отношенію вѣрности это совершенный *chef-d'oeuvre*; жена и я мы были очень удивлены, съ какою легкостью переданы всѣ архаизмы и *idiotismes* русскаго языка.

Я, кажется, вамъ уже писалъ, что я началъ драму новгородскую изъ нашей хорошей русской эпохи XIII ст. Я написалъ три дѣйствія; но, несмотря на весь интересъ, который я чувствую,

¹⁾ Относится къ поэмѣ „Портретъ“.

вотъ уже цѣлый годъ, какъ я до него не дотрогивался — „die Stimmung fehlt mir“. Но зато я написалъ нѣсколько балладъ и другихъ стихотвореній во Флоренціи. Черезъ два дня я буду въ Римѣ — увы! на одинъ день проѣздомъ въ Сорренто, куда Императрица имѣла доброту меня пригласить, когда она проѣзжала здѣсь. Я долженъ былъ уже давно выѣхать, но доктора меня задержали и мои головныя боли. Какой бы ни былъ короткій срокъ моего пребыванія въ Римѣ — мнѣ очень хочется вамъ что-нибудь прочесть. Моя жена не ѣдетъ со мной, она возвращается въ Россію черезъ Константинополь, чтобы видѣть нашу племянницу, которую вы знаете.

Будущій годъ, т.-е. эту зиму, мы надѣемся провести въ Римѣ, и тогда я васъ буду просить меня сильно прищипорить, чтобы подвинуть впередъ мою драму, если она до тѣхъ поръ не будетъ кончена.

LVI.

Флоренція. Віа Ферруччіо, № 5.—17 февраля 1875.

Какая вы добрая — и какой я отвратительный! Я никакихъ извиненій не нахожу, чтобы объяснить свое молчаніе, послѣ полученія вашего прелестнаго письма, переданнаго мнѣ Бутеневымъ въ Парижѣ, — *никакихъ!* Итакъ, я не буду стараться извинять себя, и пусть эпитетъ, которымъ я себя обозвалъ съ искренней убѣжденностью, будетъ мнѣ наказаніемъ. Я получилъ ваше письмо въ день моего отъѣзда, и до сихъ поръ я ношу его на себѣ. Вы меня спрашиваете о моемъ здоровьѣ. Послѣ того что я васъ видѣлъ, на моемъ пути изъ Сорренто, два года тому назадъ, я не переставалъ до прошлой осени очень страдать отъ моихъ невралгій въ головѣ и въ спинѣ. Я провелъ прошлую зиму въ Ментонѣ около Ниццы. Меня привезъ туда докторъ, такъ какъ я былъ въ деревнѣ, въ Малороссіи, чуть живымъ, и, какъ я узналъ впоследствии, была минута, когда я былъ приговоренъ безнадежно. Вслѣдствіе того мой дядя Перовскій и мой превосходный другъ Алексѣй Бобринскій пріѣхали изъ Петербурга ко мнѣ, думая присутствовать при моемъ послѣднемъ издыханіи. Господь этого не захотѣлъ, и послѣ мучительной зимы въ Ментонѣ я поѣхалъ въ Карлсбадъ и оттуда въ Малороссію, гдѣ простой уѣздный врачъ, вашъ соотечественникъ, г. Корженевскій, принесъ мнѣ огромную пользу, давши мнѣ литіумъ, металлъ новооткрытый, который какъ будто волшебною силою прекратилъ всѣ мои страданія. Въ сентябрѣ я поѣхалъ въ Парижъ въ намѣреніи ждать тамъ мою жену и съ ней отпра-

виться въ Англію, чтобы провести зиму въ Турки. Но д-ръ Боткинъ, сопровождающій Императрицу, во время его проѣзда черезъ Парижъ, мнѣ рѣшительно это запретилъ и предписалъ мнѣ Флоренцію. Но въ теченіе этого времени невралгія вернулась еще сильнѣе и перешла въ странную болѣзнь, названную „зона“, которая состоитъ въ томъ, что половина торса точно подвергнута была настоящему обжогу раскаленнымъ желѣзомъ или кипяткомъ. Страданья невообразимыя, постоянныя, и продолжались болѣе мѣсяца, доводя меня иногда до крика.

...Видите, дорогая княгиня, какъ я позволяю себѣ пространно говорить вамъ о самомъ себѣ. Это не въ моихъ привычкахъ, но я убѣжденъ, что ваше сочувствіе искренно, и я у васъ не прошу прощенья за всѣ подробности.

Что касается моихъ литературныхъ занятій, увѣ! — они не существовали за эти послѣдніе два года. Я едва могъ написать письмо, — и то какихъ это усилий мнѣ стоило! Но со мной случилась странная вещь, которую я хочу вамъ рассказать: во время мсей большой болѣзни въ деревнѣ, такъ какъ я не могъ ни лечь, ни спать сидя, я какъ-то ночью принялся писать маленькое стихотвореніе, которое мнѣ пришло въ голову. Я уже написалъ почти страницу, когда вдругъ мои мысли смутились, и я потерялъ сознаніе.

Пришедши въ себя, я хотѣлъ прочесть то, что я написалъ; бумага лежала передо мной, карандашъ тоже, ничего въ обстановкѣ, окружающей меня, не измѣнилось, — а вмѣстѣ съ тѣмъ я не узналъ ни одного слова въ моемъ стихотвореніи. Я началъ искать, переворачивать всѣ мои бумаги, и не находилъ моего стихотворенія. Пришлось признаться, что писалъ *безсознательно*, а вмѣстѣ съ тѣмъ мною овладѣла какая-то мучительная боль, которая состояла въ томъ, что я непремѣнно хотѣлъ вспомнить что-то, хотѣлъ удержать какую-то, убѣгающую отъ меня, мысль.

Это мучительное состояніе становилось такъ сильно, что я пошелъ будить мою жену; она, съ своей стороны, велѣла разбудить доктора, который велѣлъ мнѣ сейчасъ же положить лѣду на голову и горчишники къ ногамъ — тогда равновѣсіе установилось. Стихотвореніе, которое я написалъ совершенно *безсознательно* (tout-à-fait sans conscience — nicht unverschämt, sondern unbereut), недурно, и напечатано въ январьской книжкѣ этого года „Вѣстника Европы“. Оно начинается слѣдующими словами:

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье...

Во всякомъ случаѣ, это — явленіе патологическое, довольно

странное. Три раза въ моей жизни я пережилъ это чувство—хотѣть уловить какое-то неуловимое воспоминаніе—но я не желалъ еще разъ пройти черезъ это, такъ какъ это чувство очень тяжелое и даже страшное. Въ томъ, чтѣ я написалъ, есть какого-то рода предчувствіе—близкой смерти. Но, какъ видите, это не сбылось, чтѣ доказываетъ еще разъ, что нельзя вѣрить предчувствіямъ. Я далеко отъ всякихъ мрачныхъ мыслей, и мнѣ хочется пѣть тра-ла-ла!..

Относительно же моей нравственной „Stimmung“ (настроенія), она—совершенно такая же, какъ была у меня въ 20 лѣтъ, и если только такъ продолжится, то я надѣюсь эту зиму не быть литературнымъ эвнухомъ...

...Я очень счастливъ, что могу вамъ послать „Слѣпого“ въ переводѣ г-жи Павловой; я сперва было-отослалъ его ей обратно—въ припадкѣ кокетства, такъ какъ я его не нашелъ довольно хорошимъ, т.-е. довольно достойнымъ ея. Съ моей стороны это было „Hochmuth“ (высокомѣріе), такъ какъ переводъ недурень, и инныя строфы, первыя, переведены великолѣпно; но я такъ привыкъ видѣть одни chef-d'oeuvre изъ-подъ ея пера, что я къ ней придрался... и просилъ болѣе точнаго перевода, котораго она не сдѣлала, и теперь я буду у нея съ повинной головой просить обратно переводъ, какъ онъ есть, и вамъ его доставлю, какъ только получу. Я не нахожу словъ, чтобы благодарить Листа за его желаніе употребить свой геній для изложенія пѣсни моего сердца, и честь, которую онъ хочетъ мнѣ сдѣлать, наполняетъ меня гордостью и радостью; я тоже не могу выразить ему, насколько я тронутъ и благодаренъ за его дружбу. Я его часто вижу во снѣ, и чувство, которое я тогда испытываю,—чувство *безграничнаго* преклоненія, которое меня возвышаетъ въ моихъ собственныхъ глазахъ.

Скажите ему, что я его люблю—вотъ все, чтѣ я могу выразить словами. Вы меня спрашиваете, чтѣ дѣлаетъ новгородскій мэръ? Онъ на бумагѣ не подвинулся ни на шагъ, изъ-за причинъ, которыя я вамъ уже говорилъ, но онъ крѣпко сидитъ у меня въ головѣ съ измѣненіями, которыми я обязанъ вашему поэтическому и артистическому чувству, т.-е. я рѣшительно заставляю его умереть въ послѣдней сценѣ. Что касается *до любви къ портрету*, это окончено и напечатано въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Вѣстника Европы, и оно имѣетъ большой успѣхъ между литераторами—не-газетчиками. Эти же послѣдніе, какъ всегда, забрызгали его пѣной. Это своего рода знакъ уваженія, который я принимаю съ нѣкоторою гордостью. Не имѣвъ возможности самому писать, я воспользовался въ Карлсбадѣ присутствіемъ одной моей кузины,

кн. Львовой, чтобы ей продиктовать мой послѣдній сборникъ стихотвореній. Я хотѣлъ его напечатать въ Берлинѣ, но, вѣрный моему славянскому характеру, откладываю дѣло со дня на день, и рукопись находится еще при мнѣ.

Можетъ быть это къ лучшему, такъ какъ если я буду продолжать въ такомъ же смыслѣ, я не просижу во Флоренціи сложа руки. Моя бѣдная жена очень страдаетъ глазами. Она прежде проводила дни и ночи за чтеніемъ, и потому чувствуетъ себя потерянной съ тѣхъ поръ, какъ не можетъ читать даже полчаса сряду. Она вамъ шлетъ свои дружескіе привѣты, самыя горячія выраженія дружбы, и надѣется васъ видѣть весной, такъ какъ она намѣрена ѣхать въ Римъ, чтобы искать квартиру для будущей зимы. Если мы найдемъ квартиру, я буду очень счастливъ и разсчитываю на васъ, что вы меня наэлектризуете. Прощайте—до свиданія, дорогая, добрая княгиня. Моя жена присоединяется ко мнѣ, чтобы сказать Листу—все, что мы къ нему чувствуемъ и что могло бы быть выражено музыкой, и то только музыкой, исходящей изъ него самого.

LVII.

Флоренція.—Віа Ферруччіо, 5.—19 мая 1875.

Я не знаю, какъ и чѣмъ я заслужилъ съ вашей стороны то горячее и *живительное* вниманіе, съ которымъ вы относитесь ко мнѣ, какъ къ поэту и человѣку, потому что для васъ и для меня эти два качества нераздѣльны. Мнѣ стыдно, что я васъ заставилъ ждать того, что я считаю вашимъ даромъ ко мнѣ, и что заставляло бы меня писать, даже еслибъ никто кромѣ васъ этимъ не интересовался. Какъ вы хотите, чтобы я просилъ Гиллебрандта, котораго я знаю и котораго люблю, чтобы онъ занялся копіей, когда у этого человѣка серьезныя занятія! Я вамъ все-таки перепису мою балладу, и такъ какъ вамъ безразлична каллиграфія, то я, не стѣсняясь, буду перечеркивать въ моей рукописи. Но я все-таки передамъ Гиллебрандту вашу записку, и скажу ему, что я не имѣлъ храбрости къ нему обратиться.—Мои удушья идутъ дѣйствительно своимъ чередомъ; я думаю, что я покинулъ бы Флоренцію галопомъ, еслибъ не серьезная болѣзнь жены моего двоюроднаго брата...

Вы желаете имѣть мои терцины, но ихъ 580. Мнѣ было бы тяжело ихъ переписывать, а послать рукопись карандашомъ, перечеркнутую и замаранную, было бы бесполезно. Я предпочитаю рассказать вамъ сюжетъ. Это „pastiche“,—якобы переводъ съ

итальянскаго ¹⁾). Моя жена, у которой есть чутье къ этимъ вещамъ и которая вообще очень строга по отношенію ко мнѣ,—говорить, что это удалось.

Оружейникъ изъ Милана рассказываетъ, что онъ служилъ въ арміи гвельфовъ, во время войнъ съ Барбароссой, и послѣ програнной битвы, гдѣ былъ убитъ ихъ вождь, ему было поручено этимъ умирающимъ вождемъ доставить вѣсть въ Кіавенну. Онъ отправляется въ горы съ своимъ ученикомъ и сбивается съ пути. Они влѣзаютъ на вершину, чтобы осмотрѣться, и тамъ видятъ спящаго дракона, котораго они въ началѣ принимаютъ за изваяніе. Ученикъ бросаетъ въ него камнемъ; драконъ медленно просыпается, оживаетъ, спускается въ долину и начинаетъ съ того, что съѣдаетъ ихъ лошадь, которая привязана къ дереву. Затѣмъ онъ достигаетъ поля битвы и проглатываетъ тѣла ихъ убитыхъ товарищей,—все это они видятъ съ вершины скалы. Достигнувъ Кіавенны, они ее находятъ въ рукахъ гибеллиновъ; затѣмъ слѣдуетъ взятіе и разрушеніе Милана. Рассказчикъ объясняетъ появленіе дракона *знаменіемъ*, относящимся къ Барбароссѣ, и кончаетъ тѣмъ, что проклинаетъ тѣ города, которые перешли на его сторону. Все достоинство разсказа состоитъ въ *большомъ правдоподобіи невозможнаго факта*, которое моя жена, вполне расходящаяся со мной въ литературномъ направленіи, называетъ *грандіознымъ*. На мой вопросъ, можетъ ли это сойти за переводъ поэмы временъ происшествія, моя жена отвѣтила: *да*. Что касается меня, то мнѣ оно нравится; но гдѣ такой авторъ, которому бы не нравилось произведеніе, только-что оконченное?!

Пока я вамъ еще не послалъ балладу „Blinder Sanger“; вотъ вамъ другая, написанная женской дружеской рукой, которая тоже можетъ интересовать Листа, и которая, можетъ быть, подошла бы подъ музыкальное изложеніе. Она тоже одобрена моей женой, которая меня не балуетъ; вслѣдствіе ея замѣчаній, я уничтожилъ болѣе тысячи стиховъ. Вообще, если я имѣю какое-нибудь достоинство—то именно способность уничтожать безъ милосердія.

Я не злоупотребляю вспрыскиваніями морфина и продолжаю уменьшать дозы. Но, все-таки, они не только остававливаютъ боли, но оживляютъ мои умственные силы, и еслибъ они все это дѣлали даже (но этого нѣтъ!) въ ущербъ моему здравію,—къ чорту здравье, лишь бы существовало искусство: нѣтъ другой такой вещи, для которой стоило бы жить, кромѣ искусства! Да хранить васъ Богъ.

¹⁾ См.: „Литературная исповѣдь гр. А. К. Толстого“, въ его письмѣ къ Де-Губернатису („Вѣстникъ Европы“, 1875 г., дек., 877 стр.).

LVIII.

Флоренція.—28 мая 1875.

Третьяго дня я рѣшился разрѣзать гордіевъ узелъ и послать вамъ рукопись карандашомъ—г-жи Павловой; я долженъ былъ бы это сдѣлать давно, но тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, я неудачно заупрямился, т.-е. я хотѣлъ вамъ переписать, но этого не вышло. У меня бывало по нѣскольку невыносимыхъ припадковъ удущья ежедневно, и я себѣ сказалъ, что это было бы слишкомъ сильнымъ наказаніемъ, и что вы, пожалуй, увидите неохоту тамъ, гдѣ было только желаніе доставить вамъ что-нибудь разборчивое. Дѣйствительно, рукопись г-жи Павловой не можетъ быть послана Листу въ такомъ видѣ; надѣюсь, что вы найдете въ Римѣ какого-нибудь хорошаго нѣмца, который возьмется сдѣлать болѣе возможную копію. Что касается меня, то я такого не знаю во Флоренціи; самъ же я не былъ къ тому годенъ, и не хотѣлъ воспользоваться вашей дружбой, чтобы нагрузить этимъ Гиллебрандта. Итакъ, простите и поймите меня. Нужно было бы быть безъ сердца и безъ ума, чтобъ не быть осчастливленнымъ предложеніемъ Листа и не схватиться за него обѣими руками, а я имѣлъ видъ, какъ будто меня должны просить, но вы, съ вашимъ чутьемъ, вы меня въ этомъ не обвините. Я вполне понимаю, что другая баллада слишкомъ разбита на куски и слишкомъ саккадирована для музыки, и теперь я желаю только одного: это—чтобы переписчикъ хорошо прочелъ то, что написано карандашомъ г-жей Павловой, и переписалъ бы безъ слишкомъ многихъ ошибокъ. Я хорошо помню, что при нашемъ послѣднемъ свиданіи вы имѣли мысль назвать балладу „Sänger's Legen“ (Благословеніе пѣвца). Откровенно говоря, я не хотѣлъ бы этого заглавія, потому что оно отняло бы у баллады ея автоматическій характеръ и сдѣлало бы изъ нея, въ нѣкоторомъ родѣ, un pendant или отвѣтъ на стихотвореніе Уланда: „Sänger's Fluch“ (Проклятіе пѣвца). Мнѣ кажется, что: „Der Blinde“ (Слѣпой), или „Der Blinde Sānger“ (Слѣпой пѣвецъ) подходитъ лучше и не содержитъ никакой полемической мысли. Милая княгиня, какъ я хотѣлъ бы подолгу съ вами бесѣдовать, но я долженъ отложить это желаніе и мою потребность до другого раза, потому что мнѣ тяжело писать. Чтобъ набросать на бумагѣ эти немногія строки, я сядилъ и вставалъ по многу разъ.

Итакъ, мы уѣзжаемъ въ воскресенье, и ѣдемъ, съ остановками, въ Карлсбадъ, избѣгая путешествовать въ жару, которая—мой врагъ.

Мы думаемъ провести будущую зиму, увы!—не въ Римѣ, а

въ Парижѣ, гдѣ я предприиму курсъ леченія массажемъ и пассивной гимнастикой.

Пишите мнѣ, пожалуйста, въ Карлсбадъ, и когда баллада будетъ переписана, верните мнѣ оригиналь. Да хранитъ васъ Богъ, милая, милая княгиня. Сердечно вашъ—Алексѣй Толстой.

Дѣйствительно, часть лѣтняго сезона въ 1875 г. гр. А. К. Толстой провелъ, какъ и предполагалъ въ послѣднемъ письмѣ, въ Карлсбадѣ, гдѣ онъ читалъ И. С. Тургеневу и намъ черновую упоминаемой имъ въ предъидущемъ письмѣ легенды „Драконъ“, и вскорѣ переслалъ намъ изъ Карлсбада на-чисто переписанную причетникомъ мѣстной церкви рукопись, съ письмомъ. Это было въ половинѣ іюня 1875 г., мѣсяца за три до смерти поэта, 28 сентября. Въ этотъ день онъ былъ такъ веселъ, разговорчивъ и, казалось, полонъ силъ, что никакъ нельзя было предполагать такой близости катастрофы. Получивъ отъ насъ скоро отвѣтъ на извѣщеніе о полученной отъ него рукописи, онъ писалъ намъ въ послѣдній разъ 22 іюня, какъ всегда, пересыпая серьезную рѣчь шутками. Вотъ, напримѣръ, его адресъ на этомъ письмѣ: „Carlsbad, Marienbaderstrasse, Haus „Stadt Wien“. 4-го іюля (22 іюня). Свящ.-муч. Евсевія. Мчц. Юліанія, Зины (Ап. Рим. V, 1—10; Ев. Матѣ. VI, 22—23). Отъ Р. X. 1875.—Отъ сотвор. міра 7388.—Отъ основанія Рус. госуд. 1013.—Отъ употребленія морфины 1-й“. Въ заключеніе этого письма (оно было напечатано въ извлеченіи въ „Вѣстн. Европы“, 1875, ноябрь, 439—440 стр.), гр. А. К. Толстой говоритъ о томъ, что онъ только въ началѣ іюля будетъ въ Красномъ-Рогѣ, такъ какъ — пишетъ онъ — „мы съ Тургеневымъ затѣяли публичное чтеніе (въ Карлсбадѣ) въ пользу г. Моршанска, чтд совершится въ будущую субботу. Мы, т.-е. я съ женой, предполагаемъ ѣхать (изъ Краснаго-Рога) въ Парижъ въ концѣ сентября“..... (Но 28-го сентября онъ скончался въ Красномъ-Рогѣ.)

„Быть можетъ, въ теченіе зимы я предложу вамъ въ „Вѣстникъ Европы“ новую работу, а именно: „Охотничьи воспоминанія“, въ прозѣ, которыя я началъ уже набрасывать. Туда войдетъ, сверхъ настоящихъ охотничьихъ приключеній, которыми я очень богатъ, множество анекдотовъ о живыхъ и мертвыхъ, и вообще все, чтд взбредетъ въ голову. Оно, если удастся, можетъ выйти характерно и интересно“...

Помѣщенная у насъ переписка гр. А. К. Толстого съ друзьями ставитъ такое его предположеніе внѣ всякаго сомнѣнія.—*Ред.*